HAL
open science

Neoformlennyj sub"ekt v zapadnoarmjanskom jazyke–k voprosu o neakkuzativnosti

Anaid Donabedian-Demopoulos

To cite this version:

Anaid Donabedian-Demopoulos. Neoformlennyj sub"ekt v zapadnoarmjanskom jazyke–k voprosu o neakkuzativnosti. Voprosy Jazykoznanija, 2010, 1, pp.24-45. halshs-00663327

HAL Id: halshs-00663327

https://shs.hal.science/halshs-00663327

Submitted on 26 Jan 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

А. Донабедьян

НЕОФОРМЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ЗАПАДНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ – К ВОПРОСУ О НЕАККУЗАТИВНОСТИ

Конструкции с неоформленным субъектом в армянском относятся к так называемым неаккузативным конструкциям, описанным в разных языках, и являются материалом как для иллюстрации явления неаккузативности (или расщепленной непереходности), так и для критического обсуждения теории неаккузативности, в основе которой лежит чисто синтаксический подход. Подробный анализ армянских конструкций и контекстов, в которых они допускаются, с учетом системных свойств неоформленного имени в армянском, показывает, что мы имеем дело не с чисто синтаксическим и не с чисто лексическим явлениям, а с совокупностью свойств конструкций в целом, в которой определяющую роль играют прагматические признаки.

В современном армянском языке существует три степени детерминации имени: определенный артикль (исторически – демонстратив), неопределенный артикль (восходящий к числительному «один») и нулевой артикль[1]. В отличие от объекта субъект[2] не может появляться с нулевым артиклем[3]. Учитывая, что номинатив и аккузатив существительных морфологически не различаются в западноармянском языке, эта обязательная детерминация могла бы рассматриваться как отличительный признак субъекта. Тем не менее, в определенных контекстах встречаются конструкции, которые не подчиняются этому правилу – это одновалентные конструкции с существительным без артикля.

В статье рассматриваются эти нетипичные субъекты и синтаксические конструкции, в которых они проявляются. Нас будет интересовать статус этих конструкций не только в самой системе армянского языка, но и в их отношении к так называемым *неаккузативным* конструкциям в других языках, с которыми у них много общего, несмотря на то, что нулевой артикль обычно не рассматривается как типичный маркер неаккузативности. В этом плане интересующая нас проблема в армянском языке может быть поставлена в один ряд с разнообразными явлениями в других языках, которые привлекли внимание исследователей в связи с гипотезой неаккузативности, впервые обоснованной Перлмуттером [Perlmutter 1978] и названной также расщепленной непереходностью (split intransitivity) [Van Valin 1990]. К ним относятся и широко обсуждавшаяся проблема отрицательных предложений с

---

[1] Поскольку армянский относится к языкам с агглютинативной именной морфологией, эти три типа детерминации, в сочетании с присутствием / отсутствием показателя множественного числа, дают в армянском пять комбинаций из шести теоретически возможных: 1) отсутствие маркера мн.ч. + определенный артикль; 2) маркер мн.ч. + определенный артикль; 3) отсутствие маркера мн.ч. + неопределенный артикль; 4) маркер мн.ч. + нулевой артикль (неопределенный артикль, восходящий к числительному «один» несовместим с маркером мн.ч.); 5) отсутствие маркера мн.ч. + нулевой артикль (неоформленное имя). В этой статье, под нулевым артиклем мы понимаем только комбинацию (5), в которой имя выступает как неоформленное, а не комбинацию (4), где мн. ч. соответствует неопределенному артиклю, а не нулевому.

[2] Термин «субъект» употребляется здесь и ниже в широком смысле и распространяется на подлежащее.

[3] Это ограничение не распространяется на имена собственные (для которых наличие или отсутствие артикля имеет стилистичесное значение), а также, естественно, на местоимения.

генитивным субъектом в русском языке (см., например [Babby 1980; Падучева 1997]); и порядок VS в особых конструкциях во французском (например [Marandin 1999; 2003]), и выбор вспомогательного глагола в итальянском или в германских языках (например [Sorace 2000; Aranovich 2007] и др.).

В начале будут рассмотрены различительные свойства субъекта и объекта в армянском языке (раздел 1). Затем в разделе 2 будут выделены различные типы конструкций с нетипичным субъектом, а также семантические ограничения, определяющие их. Эти ограничения, хотя и не абсолютны, но просматриваются вполне четко и связаны как с именем и глаголом (слабая агентивность ~ слабая активность соответственно), так и с самим типом предикации («стереотипная»[4] предикация или предикация предрасположенности). В п. 3 будут рассмотрены семантические, коммуникативные и синтаксические свойства интересующих нас конструкций. В заключении (п. 4) будут критически рассмотрены несколько возможных теоретических интерпретаций данных конструкций. При этом нас будут интересовать конкретные роли коммуникативного (актуальное членение, интонация), семантического (лексические ограничения, актантная семантика) и синтаксического (согласование, кореференция) аспектов этих конструкций с нетипичным субъектом.

1. Различительные свойства субъекта и объекта в армянском языке

Современный армянский язык относится к языкам со «строгим» порядком SOV[5], что предполагает четкое позиционное различение субъекта и объекта. Однако в реальности могут встречаться все комбинации (SVO, OVS, OSV, VSO, VOS) в зависимости от коммуникативной структуры высказывания (фокус, топикализация, и т. д.). К тому же заполнение валентности в армянском не обязательно: когда один из актантов анафорический, он может формально отсутствовать (кроме случаев фокализации и дейксиса). Таким образом, высказывание, формально состоящее из одного глагола (V) *tesa* ‘увидел’, может означать ‘я его увидел’.

В морфологическом плане именной субъект и объект одинаковы: они имеют нулевой падежный маркер в номинативе и аккузативе[6]. Что касается местоимений, то в них форма номинатива и аккузатива различается. Таким образом, замена на местоимение может служить тестом для различения субъекта и объекта.

---

[4] Имеется в виду то, что Ж.-М. Маранден называет *prédication stéréotypique*: высокая степень предсказуемости данного сказуемого с данным подлежащим придает предикации особый характер.

[5] Это в большей степени справедливо для западноармянского языка, нежели для восточноармянского, в котором отмечены как SVO, так и SOV, хотя оба языка обнаруживают признаки, рассматриваемые Гринбергом как характерные (*harmonic)* для языков с порядком SVO.

[6] Правило об обязательном использовании артикля (собственно дательного падежа) с одушевленным объектом, действующее в восточноармянском языке, к западноармянскому не применяется.

По-видимому, наиболее прозрачным критерием различения субъекта и объекта является тот факт, что субъект (подлежащее) управляет согласованием глагола по лицу и числу[7].

Однако в армянском языке, как и в других агглютинативных языках, роль согласования весьма ограничена, и морфологические маркеры скорее всего автономны: согласование по падежу или по числу отсутствует в именной синтагме, глагол сам по себе может образовать полное высказывание, а это предполагает, что глагольный показатель лица является самостоятельной приметой субъекта, а не маркером согласования. Из этого следует, что у нас нет оснований утверждать что «субъект управляет согласованием глагола по лицу и числу», поскольку именной субъект может отсутствовать, тогда как глагольный маркер субъекта является обязательным элементом и сам определяет выбор личного местоимения.

Согласование по числу также является не строгим: в третьем лице оно может отсутствовать, в частности, когда именная синтагма включает числительное и существительное без показателя числа[8]:

(1) *ergu dari / ergu hoki anc‘av*[9]
два год-Ø / два человек-Ø пройти:AOR**3SG**
Два года прошло; два человека прошли.

Впрочем, субъект характеризуется рядом свойств, отличающих его от объекта:

- он может управлять рефлексивом:

(2) *Betros-ə Vartan-in əsav or* ***ir*** *dun-ə bidi noroke*
Петр-DEF$_i$ Вардан-GD$_j$ сказать:AOR3SG что свой$_i$ дом-DEF починить:FUT3SG$_i$
Петр$_i$ Варданy$_j$ сказал, что он свой$_i$ дом починит.

- он также управляет кореференцией зависимых инфинитивов, причастий и деепричастий:

(3) *Betros-ə xntal-ov Vartan-in kənac‘*
Петр-DEF$_i$ смеяться$_i$-INS Vartan-GD идти:AOR3SG
Петр$_i$ смеясь$_i$ пошел к Вардану.

Эти отличительные свойства субъекта хорошо известны в лингвистике и неоднократно описывались в армянском языке. Другие же свойства, касающиеся ограничений в детерминации субъекта, практически не изучены:

---

[7] В армянском языке отсутствует категория рода.

[8] Впрочем, как видно из примера (1), присутствие числительного не требует обязательного маркера мн.ч. у определяемого имени (см. [Donabédian 1993]).

[9] Используемая здесь транскрипция представляет собой фонологическую адаптацию транслитерации армянского языка (система Hübschmann-Meillet-Benveniste) применительно к западноармянской фонетике.

Так, в отличие от объекта, допускающего все степени детерминации, включая нулевую (неоформленное имя) (см. пример 4), субъект допускает разные степени детерминации, включая неопределенную форму множественного числа (см. 5)

(4) *Trac'i-n* *kirk'-ə* / ***-er-ə*** / ***mə*** /***-er*** / ***-ø*** *gə*[10] *garta*
сосед-DEF книга-DEF / -PL-DEF / IND /-PL/ / ø ACTU читать:PST3SG
Сосед читает книгу // Сосед читает книги[11].

(5) *Trac'i-n* (*/trac'i-mə* */-ner-ə* */-ner*) *pəžišk'-i-n* *kənac'* *(kac'in)*
сосед-DEF (/сосед-IND /-PL-DEF /-PL) врач-DAT-DEF идти:AOR3SG (идти:AOR3PL)
Сосед/соседи пошел/пошли к врачу

Исключение составляет нулевая степень: неоформленная лексическая форма субъекта, как правило, неграмматична

(6) **Trac'i-ø* *pəžišk'-i-n* *kənac'*
сосед-**ø** врач-DAT-DEF идти:AOR3SG

При этом в современном армянском языке есть, по-видимому, некоторые типы высказываний, которые не подчиняются этому правилу. Им и посвящена данная статья.

2. Конструкции с неоформленным субъектом в армянском

Неоформленный субъект обычно встречается в высказываниях с непереходным глаголом, например, в конструкциях с глаголом существования, в «метеорологических» высказываниях, в случаях стереотипной предикации или предикации «предрасположенности», в некоторых пассивных высказываниях и в отдельных переходных конструкциях.

На самом деле все эти случаи могут быть описаны в рамках трех типов:

2.1. Предикация существования и сходные высказывания

2.1.1. В данном разделе речь идет, прежде всего, о предикации существования предмета / явления / процесса, в которой либо непосредственно употреблен соответствующий предикат (дефектный глагол *ga* 'имеется, существует', *deγi unenal* 'иметь место, состояться' и др.), см. (7), (8), либо употреблен глагол, выражающий внезапное появление или исчезновение предмета, то есть [существование + начало или конец], см. (9).

(7) *žoγovurt* / *tram* / *xncor* *ga* *(/č'ga)*
народ / деньги / яблоко есть (/нет)

[10] Частица *gə* стоит перед всеми формам настоящего времени и имперфекта. Ее можно было бы глоссировать как ACTU. Для того чтобы упростить представление примеров, далее мы не будем обозначать ее, допуская, что она составляет часть глагольной формы.

Есть люди / нет людей / есть деньги / нет денег / есть яблоки / нет яблок.

(8) *hantibum* *deγi* *unec'av*
встреча место иметь:AOR3SG

Встреча состоялась // Встречи состоялись.

(9) *žoγovurt* *hasav,* *aγmug* *eγav,* *griv* *sksav*
народ приходить:AOR3SG шум быть:AOR3SG сражение начинаться:AOR3SG

Пришли люди, раздался шум, разразился скандал

К этому типу можно также отнести предикацию появления новой ситуации с глаголом, не являющимся прямым глаголом существования:

[в магазине продавщица болтает по телефону и внезапно обрывает разговор]

(10) *haĵaxort* *mdav*
покупатель входить:AOR3SG

(Все,) у меня клиент / клиенты![12]

Как показывают приведенные примеры, здесь допускаются субъекты самой разной семантики, но при этом они не воспринимаются как агентивные. Это особенно явно проявляется в (10): несмотря на высокий ранг субъекта по шкале агентивности и на наличие интенционального глагола, прагматическая суть высказывания состоит в том, что ситуация изменилась (продавщица уже не свободна), а не в том, что покупатель как агенс совершил определенное действие.

Отметим, что высказывания (7)-(10), двусмысленные при переводе на другой язык, в самом армянском являются вполне однозначными. Нейтрализация по числу в неоформленном субъекте меняет семантическую категоризацию имени, попадающего в разряд неисчисляемых имен, в независимости от того, является ли референт исчисляемым или нет.

2.1.2. Неоформленный субъект также характерен для «метеорологических» высказываний ([Ruwet 1988] и другие) таких как:

(11) *a.* *ancrev* *guka* *b.* *məšuš* *sksav* *c.* *arev* *e*
дождь идти:PST3SG туман начинаться:AOR3SG солнце быть:PST3SG

a.Идет дождь b. Опустился туман c. Светит солнце

Метеорологические высказывания, впрочем, не исключают появления артикля – в тех контекстах, когда это семантически оправдано:

---

[11] В переводе, конструкции с неоформленным объектом не отличаются от неопределенных конструкций мн.ч.

[12] Здесь имеется в виду новая ситуация – в том смысле, что высказывания такого рода сфокусированы не на субъекте (покупатель), а на смене ситуации: «пустой магазин» → «магазин с покупателем» (в зависимости от

d. *sastig* *ciwn-**mə*** *guka*
сильный снег-IND идти:PST3SG
Идет сильный снег

e. *mšuš-**ə*** *sksav*
туман-ARTDEF начинаться:AOR3SG
Туман опустился.

На самом деле, высказывания (11a), (11b) и (11c), хотя все они и имеют метеорологическую семантику, очень разнородны.

(11b) и (11c) в полной мере относятся к типу предикации существования или появления. В них сочетание данной именной синтагмы и глагола является свободным.

Вместе с тем (11a), также выражая предикацию существования или появления, содержит дополнительный признак: сочетание существительного *ancrev* ‘дождь’ (или *ciwn* ‘снег’) и глагола *kal* ‘приходить’ (именно ‘приходить’, а не любого другого глагола, означающего, например, ‘падать’, ‘капать’, ‘литься’ и др.) является в армянском самым нейтральным способом выразить явление ‘дождь’ или ‘снег’[13]. Таким образом, можно сказать, что здесь выражено не существование субъекта, как в (7), а существование явления, представленного сочетанием субъекта и глагола.

Приведенная интерпретация может вызвать вопрос: обозначают ли слова *ancrev* и *ciwn* саму субстанцию дождя и снега (капли, снежинки, хлопья), либо дождь и снег как процессы? В последнем случае глагол *kal* обозначал бы скорее «произойти» чем «идти», и тогда мы ожидали бы обнаружить более свободную сочетаемость этих имен с разными глаголами, например *ga* ‘существует’ или *e* ‘есть’.

На самом деле, ответ на этот вопрос следует искать в речи, а не в языке, где лексемы допускают обе интерпретации. В высказываниях с фазовым глаголом, например *ciwnə sksav / ciwnə tatrec‘av* ‘снег пошел / снег кончился’, явление обозначается самым именем (снег как процесс, то есть «падание снега»), а глагол обозначает проявление процесса и его фазу. Отметим, что это характерно для самых разных имен, включая имена, обозначающие артефакты, которые по определению являются предметами, а не процессами: в *čut‘agə sksav* ‘скрипка зазвучала («началась»)’, речь явно идет о процессе (ср. «Моцарт на старенькой скрипке играет...»). Фазовый глагол меняет семантическую категоризацию имени – от артефакта к процессу (при этом характер процесса, обозначенного данным именем, определяется природными, культурными, ситуативными и другими параметрами).

контекста и настроения говорящего, это может означать: «Появилась работа!», «Не могу больше говорить!» и т. д.).

[13] Существует также глагол *ancrevel* ‘идти (о дожде)’, стилистически более литературный, но имеющий абсолютно идентичное значение.

Следовательно, имеются основания полагать, что (11а) относится к предикации предрасположенности, описанной в 2.2. и включает дополнительный – фразеологический – компонент, благодаря которому *kal* ‘идти’ становится стереотипным глаголом, что не является правилом для метеорологических высказываний армянского языка.

2.2. Стереотипные глаголы и предикаты предрасположенности

В этом разделе будут рассмотрены высказывания, в которых сочетание данного глагола с данным субъектом предсказуемо, и эта предсказуемость влияет на относительный коммуникативный вес компонентов.

Вслед за Ж.-М.Маранденом [Marandin 2003], мы будем различать стереотипные глаголы, с одной стороны, и предикаты предрасположенности, с другой. Маранден не определяет границы между этими понятиями и иногда применяет их к одним и тем же примерам («звонили колокола», «лаяли собаки»), хотя уже по выбору терминов «глагол» и «предикат»[14] понятно, что имеются в виду разные уровни анализа.

Мы предлагаем здесь эксплицитно разграничить эти понятия, несмотря на то, что они и у нас часто будут применяться к одним и тем же конструкциям.

Под стереотипными глаголами мы будем понимать глаголы, имеющие предпочтительную связь с конкретным существительным, не только потому, что опыт предполагает, что данный процесс наиболее характерен для этого предмета, но и потому, что язык обязывает ассоциировать данный глагол с данным именем. Иными словами, эти высказывания предполагают экстралингвистические знания (наиболее характерный процесс для данного предмета) и одновременно языковые знания (какой из возможных глаголов наиболее активно сочетается с данным именем в данном языке). Когда мы говорим *Собака лает*, мы подбираем глагол как по референциальным параметрам (характер звука), так и по чисто лингвистическим (конвенционально).

Но существуют также конструкции со стереотипными глаголами, в которых связь между S и V является в большей мере конвенциональной и закреплена в словаре. По-русски, ночь *наступает*, война *разразилась*, снег *лежит*, солнце *садиться*, платье (хорошо) *сидит*, погода и вопрос *стоят*, заря *занимается* или *настает*, а восход (как и день или ночь) *наступает*[15].

---

[14] Маранден отмечает, что понятие предиката предрасположенности заимствовано из философии языка.

[15] Также: хлеб *лежит* на столе, а соль *стоит*. Для того, чтобы убедиться, что апелляция к объективному признаку «вертикаль ~ горизонталь» в данном контексте недостаточна, вспомним, что тарелка *стоит* на столе (как и поднос), а яблоко *лежит*. А чтобы совсем запутать иностранца, изучающего русский язык, яблоко *лежит* на столе, а яблоки *стоят* на столе. В большинстве таких примеров мы имеем дело с десемантизированными глаголами, которые приближаются по своей семантике к связке: хлеб *есть* на столе.

Понятие «предикат предрасположенности», отсылающее к свойству субъекта (склонность или способность), по сравнению с понятием «стереотипный глагол» более широкое: оно предполагает учет всего контекста высказывания, а не только словарных норм. Так, предрасположенность может вытекать из общего для говорящих знания: если всей семье известно, что папа храпит перед телевизором после определенного часа, то высказывание *У экрана папа храпит* прагматически означает проявление предсказуемого действия («Опять!» «Началось!»). Таким образом, можно считать, что понятие «предикат предрасположенности» включает понятие «стереотипный глагол», плюс учет прагматических ориентировок говорящего[16].

Высказывания данного типа идеально подходят для конструкций с неоформленным субъектом:

(12) *a.* *Cayn* *gə hnč'e* *b.* *čur* *gə vaze* *c.* *nəvak* *gə lsvi*
голос звучать:PST3SG вода бежать:PST3SG музыкаслышаться:PST3SG

a.Звучит голос. b. Течет вода. c. Слышится музыка.

Но особенно яркой в этом плане является способность предиката предрасположенности выражать бытийную предикацию в высказываниях с одушевленным именем в роли субъекта и с активным глаголом:

(13) *Šun…*
собака...
a. *gə hače* *b.* *nuynisk* *č'-hačec'* *c.* *hačec'* - *vaxc'ank'*
лаять:PST1SG даже NEG-лаять:AOR3SG лаять:AOR3SG бояться:AOR1PL

a. Лает собака

b. Ни одна собака не залаяла (не слышно было малейшего лая)

c. Залаяла какая-то собака, (и) мы испугались.

Эта конструкция допускает в роли субъекта даже названия людей:

(14) *(Hos)* *yerexa* *gə jni*[17]*,*
(здесь) ребенок рождаться:PST3SG

(Здесь) рожают (досл.: 'рождаются дети').

Здесь может появляться даже активный интенциональный глагол:

---

[16] Сегодня формальная лингвистика (по крайней мере, если судить по наиболее известным работам), по-видимому, не научилась придавать значение возможностям «перекодирования» говорящего в зависимости от контекста, например, когда, в соответствии с выбором говорящего, слово, имеющее в лексике свойства A интерпретируется так, как будто бы оно имело свойства B. Между тем, такого рода явления часто наблюдаются в Речи, будь то в именной семантике (исчисляемое-неисчисляемое), в свойствах времени-вида-наклонения и Aktionsart конкретной глагольной формы, или же в синтаксических конструкциях, как в интересующем нас случае. За исключением подхода Кюльоли (Culioli 1990), и его школы, в котором этим явлением отводится центральная роль в описании (см., в частности, Franckel, Paillard, Voguë 1989), лингвистические теории охотно оставляют подобные явления области прагматики. Между тем, в интересующем нас смысле, они непосредственно относятся к синтаксической проблематике, хотя и далеко не упрощают описания.

[17] Это высказывание может быть интерпретировано как призыв соблюдать правила гигиены.

(15) *Ašagerd* *g'usani*[18]
ученик учиться:PST3SG
(Здесь) идут занятия (дословно: 'учатся ученики').

Можно привести и аналогичные высказывания с переходным глаголом:

(16) *terasan* *ter* *gə sorvi* / *ašagerd* *tas* *gə sorvi*
актер роль учить:PST3SG школьник урок учиться:PST3SG
(Здесь) актер учит роль // актеры учат роль.
(Здесь) занимается ученик // занимаются ученики

Такие высказывания с неоформленным субъектом, присоединяя к субъекту предсказуемый предикат, выражают, в конечном счете, существование или появление субъектной сущности через одно из ее наиболее типичных проявлений. Так, даже в примерах с глаголами активной семантики, глагол может быть переинтерпретирован как стативный или предельный (не выражающий процесс) исключительно потому, что при субъекте отсутствует артикль.

2.3. Пассивные конструкции

В (12c) был включен пассивный глагол *ls-**v**-il* 'слышаться' в одном ряду с активным глаголом *hnč'el* 'звучать' (12a). В действительности, многие пассивные конструкции могут содержать неоформленные субъекты:

(17) *hamakumar* *havak'vec'av*
конгресс собирать:PASS.AOR3SG
Прошел конгресс // Прошли конгрессы

(18) *Kirk'gə dbvi* // *gə hradaragvi*
Книга печатать:PASS.PST3SG издавать:PASS.PST3SG
Издается книга // Издаются книги

(19) *Nor* *hivantut'iwn* *a.* *darajvec'av* *b.* *haydnvec'av*
Новая болезнь распространять:PASS.AOR3SG обнаруживать:PASS.AOR3SG
a. Распространилась новая болезнь b. Была обнаружена новая болезнь

При этом, не-пассивный глагол (20b) и (20c) не допускает неоформленного субъекта:

(20) a.*Hamerk* *gə gazmagerbvi*
концерт организовывать:PASS.PST3SG
Организуются концерты (с тех пор, как X стал министром)

b. *hamerk lav anc'av
концерт хорошо проходить:AOR3SG

c.*hamerk gə sksi[19] (-> hamerkə)

---

[18] То же, что и в предыдущем примере: в прагматическом плане практически эквивалентно *ašagerd gay* 'ученик есть, здесь школьники!' – призыв не шуметь, вести себя корректно.

концерт начинаться:AOR3SG

(21) a.*Hivantanoc‘ gə karrucvi // pac‘vec‘av // veranorokvec‘av*

больница строить:PASS.PST3SG // открывать:PASS.AOR3SG // ремонтировать:PASS.AOR3SG

Была построена // были построены // открыты, отремонтированы // больница // больницы,

b. **hivantanoc‘ 100 hoki g’əntuni*[20] (обязательно*: hivantanoc‘ə*)

больница 100 человек принимать:PST3SG

Такие высказывания с неоформленным субъектом объединяет в плане семантики то, что, по сути, они не столько являются предикацией процесса, сколько характеризуют ситуацию, в чем убеждает комментарий к примеру (20), а также (22):

(22) *Yeresp‘oxan spannvec‘av*

депутат убивать:PASS.AOR3SG

Депутат был убит // Депутаты были убиты (Ситуация такова, что …)

В случае с пассивными высказываниями, проблема, конечно же, не в характере агентивности субъекта, а в статусе самой конструкции.

С учетом функционирования пассивных конструкций в армянском, закономерен вопрос, образуется ли в такого рода высказываниях реальный пассив («больницы построены», «книги изданы», «конгресс организован») или же мы имеем дело с деривацией медиопассивной формы («больницы строятся», «книги издаются», «конгресс состоится»), что позволило бы сблизить эти высказывания с рассмотренными выше, где широко представлены медиальные глаголы. Здесь лишь отметим, что в армянском языке границы между пассивностью и медиальностью не абсолютны, и лишь отдельные контексты позволяют их различить. В любом случае вполне ясно, что все подобные высказывания могут утрачивать пассивность, что верно для примеров (17), (18), (20), (21):

(23) *garravarut‘iwnə …hamakumar gə havak‘e, kirk‘ gə dbe, hamerk gə gazmagerbe, hivantanoc‘ gə garruc‘e.*

Правительство … созывает конгресс, издает книги, организует концерты, строит больницы.

Для некоторых глаголов, например, в (19b), залоговая трансформация менее очевидна: глагол *haydn-**v**-il*, представляющий пассив от *haydnel*, лексикализовался в значении ‘появляться’, что и позволяет отнести соответствующее высказывание к бытийным.

---

[19] Можно было бы ожидать, что в рамках высказываний с предикатами существования, в которых активно используется глагол *sksil* ‘начинать’, такое высказывание допустимо. Однако здесь возникает ограничение, связанное с семантикой референта «концерт», который, как правило, предполагает возможность на нем присутствовать и который имеет различные фазы: начало, середина, конец. Таким образом, в обычном использовании понятия «концерт», глагол *sksil* ‘начинать’ не может характеризовать понятие «концерт» в целом (*случился концерт). Единственный способ присоединить глагол *sksil* ‘начинать’ к субъекту ‘концерт’ это определить *hamerk* как специфическое явление с помощью определенного артикля: *hamerkə sksav* ‘концерт (этот) начался’.

[20] Соответственно, здесь допустимо употребление субъекта с глаголом в вопросительной или отрицательной форме, и в таком случае высказывание приобретает следующий смысл: «Бывают ли больницы на 100 мест? Не бывает больниц на 100 мест».

Во всех других случаях, в соответствии с порядком слов в армянском языке, трансформация в пассив открывает возможность интерпретировать первый член такого рода высказываний (при этом предглагольный) в равной степени как субъект и как объект. Действительно, мы видим, что последовательности «имя-глагол» в (17—21) и (23) ничем не различаются, кроме присутствия, во-первых, морфемы пассива /-v-/. Хотя объекты в (23) не являются, собственно говоря, инкорпорированными, свойства группы объект / глагол в армянском языке позволяют выделить два типа пассивной трансформации, возможных для такого рода высказываний:

1) $SO_1V \rightarrow S_1V_{pass}$, где субъект активного высказывания опускается, а объект становится субъектом глагола, сохраняя свою нулевую степень детерминации.

2) $SO_1V \rightarrow [O_1V]_{pass}$ где перевод в пассив характеризует сочетание OV[21], в котором тесная связь компонентов становится возможной благодаря неоформленности имени. Основанием для такой интерпретации служит тот факт, что в армянском языке глагол легко переходит в другие части речи (зависимое деепричастие или субстантивированный инфинитив), сохраняя, тем не менее, некоторые глагольные дополнения.

Итак, в первый раз в нашем анализе мы сталкиваемся с синтаксическим признаком, который позволяет прийти к выводу о том, что неоформленный субъект, получая формальные свойства объекта, может интерпретироваться как объект, как предполагает теория неаккузативности.

2.4. Особый случай: некоторые переходные конструкции

Все типы высказываний, рассмотренные выше, относятся к непереходным, – изначально или же в результате пассивной трансформации. Между тем, можно привести ряд примеров с использованием неоформленного субъекта в транзитивных высказываниях. Они разделяются на два типа:

2.4.1. Первый тип касается прескриптивов или определений:

(24) *hos* *ašagerd* *lezu* *gə sorvi*
здесь ученик язык учить:PST3SG

Здесь ученик учит язык (языки) // Здесь ученики учат язык (языки) (что может быть интерпретировано как: а) «ученики здесь, чтобы учить языки»; б) «здесь курсы изучения языков»).

Можно реконструировать два контекста, которые вводят эти два возможные значения высказывания, соответственно:

a. (учить языки, а не заниматься чем-либо другим):

Сюда (в наше учебное заведение) достойные ученики приходят для того, чтобы заниматься языками (а не смотреть комиксы).

[21] Что соответствует замечанию № 3 Ж. Лазара [Lazard 1994: 9].

b. (Тише!):

Тише! Здесь лингафонная лаборатория – тут люди работают!

Эти высказывания, точно так же, как рассмотренные выше непереходные высказывания, характеризуют определенную ситуацию. Они вполне сопоставимы с высказыванием в примере (15) и по сути дела представляют особые случаи переходных предикатов предрасположенности (O+S): «учить урок» для ученика или «учить роль» для актера не сильно отличается от значений непереходных предикатов предрасположенности, описанных выше. Контекст, реконструированный в (а), предполагает, что речь идет об учебном заведении, где изучают именно языки, и таким образом значение объекта практически сведено к нулю, не сообщая никакой информации[22].

2.4.2. Вторая категория транзитивных высказываний, в которых встречается неоформленный субъект, включает субстантивные пары, такие как:

(25) *erik* *gənig* *sksan* *(z)irar* *hayhoyel* *(*sksav)*
муж жена начинать:AOR3PL RECIPR оскорблять (*начинать:AOR3SG)

Муж и жена начали оскорблять друг друга.

(26) *Hayru*[23]*dəγa* *[eler en]* *dun* *gə šinen* (**gə šine*)
Отец и сын [взялись] дом строить:PST3PL (*строить:PST3SG)

(Вот) строят дом отец и сын.

Этот тип не исключает появления высказываний с непереходным глаголом:

(27) *Mayr* *u* *dəγa* *hampurvec'an* *(*hampurvec'av)*
Мать и сын целовать:PASS.AOR3PL (*целовать:AOR3SG)

Мать и сын целуются.

В предыдущих примерах интерпретация неоформленного субъекта как выражающего множественность невозможна, в отличие от примеров (28) и (29):

(28) *Seγan* *(u)* *at'orr* *dabalec'an* *astiĵan-ner-en*
стол (и) стул катиться:AOR3PL лестница-PL-ABL

Стол и стул // Стол**ы** и стул**ья** покатились по лестнице.

(29) *kirk'* *u* *dedrag* // *šabig* *u* *dap'ad* *aγdodec'an*
книга и тетрадь рубашка и брюки пачкаться:AOR3PL

Книга и тетрадь, рубашка и брюки запачкались // Книги и тетради, рубашки и брюки запачкались.

---

[22] Отметим, что интерпретация (а) наиболее вероятна в том случае, если фразовое ударение падает на глагол, а интерпретация (б) – если оно падает на имя, выступающее в роли субъекта.

Относительно такого рода переходных конструкций следует заметить, что неоформленный субъект может появляться только в сочетании с неоформленным объектом. Исходя из этого факта, П.Самвелян (устное сообщение) предлагает считать объект инкорпорированным, и, следовательно, относит глагол к непереходным. Действительно, это позволило бы отнести к общему типу пример (24). С другой стороны, тип, представленный ниже примерами (25–29), характеризуется специфическими свойствами.

[23] В отличие от примера (25), тут есть союз, поскольку первое имя моносиллабично.

Высказывания (25–27) семантически существенно отличаются от предыдущих: в них не наблюдаются вышеупомянутые ограничения на акциональный тип предиката, коммуникативная цель высказывания состоит в том, чтобы ввести отношение между S и P, и для глагола обязательна множественная форма. Все это показывает, что, в противоположность примерам, рассмотренным выше, они являются каноническими синтаксическими конструкциями, в которых S и V свободно сочетаются.

Ограничения в таких высказываниях касаются только лишь сочетания имен в субъектной группе: оно представляет собой не свободное сочетание имен, а сложный субъект, состоящий из двух семантически связанных существительных. Такие сложносоставные субъекты подчиняются двум коррелированным ограничениям. Первое относится к разряду лексико-семантических: оба имени должны входить в общую семантическую парадигму (стол и стул, мать и сын, преподаватель и ученик и т. д.), второе касается союза: такие высказывания могут быть либо с союзом *u*, либо бессоюзными, но ни в коем случае не могут иметь союз *ev* «и». Союзы же *ev* и *u* различаются именно тем, что первый обеспечивает простую координацию двух имен в одинаковой синтаксической позиции, а второй устанавливает смысловую связь между ними, в результате чего формируется сложносоставная семантическая сущность[24].

Таким образом, такие высказывания со сложносоставным субъектом существенно отличаются от интересующих нас структур. Важным, при этом, остается вопрос, почему имена, входящие в сложносоставные субъекты такого рода высказываний, могут употребляться без артикля и без детерминатива, в нарушение правила, сформулированного в начале статьи? Ответ на этот вопрос следует искать в функционировании самой детерминации[25] (внутри именной группы), а не в особенностях фразовой конструкции, как в рассмотренных выше высказываниях[26], поэтому такие примеры остаются за рамками нашего анализа.

---

[24] Так, если речь идет о кошке и собаке, недопустим союз *ev*, который просто сополагает смыслы двух имен. Напротив, *u* формирует единый смысл на основе семантики двух существительных, привнося в нее дополнительный смысловой компонент. При обозначении живых существ, очень часто маркируются именно их отношения (кошка с собакой = конфликт; мать с сыном = отношения кровного родства; учитель и ученик = отношения в процессе обучения и т. д.). Данное семантическое различие маркируется и на супрасегментном уровне: *u*, в отличие от *ev*, является клитикой и просодически соединяется с именем (при этом наблюдается ослабление тонического ударения в N1, а **-n** в артикле обнаруживает отсутствия хиатуса). Распределение функций *ev* и *u* находит параллель в русском языке – ср. так называемый «координатив», с одной стороны (*Маша и Катя*), и «комитатив» (*Мать с сыном*), с другой, *жить как кошка с собакой*, но не **как кошка и собака*. Позицию такого рода составных субъектов могут занимать и так называемые «редуплицированные субъекты» как, например, в (28): *at'orr* ***m-****at'orr* «стул и то, что имеет к нему отношение», ср. русск. *и иже с ним*. Влияние этих двух типов составных субъектов на глагол в согласовании по числу проявляется не одинаковым образом – редуплицированный субъект предполагает глагольную форму единственного числа. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

[25] Здесь причина отсутствия маркера детерминации кроется в самом сочетании двух субъектов, которое скорее формирует самостоятельное понятие (что и обозначается отсутствием артикля), нежели соотносится с отдельными конкретными денотатами. Тем не менее, тот факт, что в высказывании имеются два определяющих друг друга имени, не позволяет говорить о нулевой детерминации.

[26] Заметим, что такие высказывания не имеют ряд синтаксических свойств, характерных для высказываний с неоформленным субъектом, которые будут рассмотрены ниже: высказывание допускает многочисленные

3. Свойства конструкций с квази-субъектами и теория неаккузативности

Если мы оставим за скобками высказывания 2.4.2, в которых само соположение имен привносит своего рода детерминацию, и транзитивные высказывания 2.4.1, которые представляют особый случай конструкций с предикатом предрасположенности (относящихся к типу 2.2), становится очевидным, что мы имеем дело с типом вполне гомогенных высказываний, которые достаточно близки к высказываниям, на которых строится теория неаккузативности. Приведенные выше армянские примеры имеют такие же основные семантические, коммуникативные и синтаксические признаки.

3.1. Семантические признаки

Все приведенные армянские примеры характеризуются очень ограниченной агентивностью, что сближает их с неаккузативными конструкциями. В литературе неаккузативность рассматривается либо как свойство глагола (эта точка зрения восходит к работам Перлмуттера), либо как свойство особых конструкций [Marandin 2004]. Рассмотрим наши примеры в свете данного противопоставления.

3.1.1. Семантические свойства глагола

В этих примерах наблюдается большое количество глаголов «представления» (*presentatives*), как их называет Маранден [Marandin 2003], который приводит для французского языка следующую классификацию:

существование/присутствие (existence-présence): *exister, se rencontrer, se trouver, avoir lieu*

отсутствие (absence): *manquer*

начало (commencement): *commencer*

продолжение (continuation): *suivre, rester, continuer, demeurer*

порождение (production): *naître, se produire, croître*

происшествие (occurrence): *se passer, arriver*

появление (apparition): *apparaître, émerger*

направленное движение (mouvement vers un lieu): *venir, entrer, arriver, s'interposer, suivre*

В армянском языке в высказываниях с неоформленным субъектом, широко представлены глаголы «представления», а так же так называемые неаккузативные глаголы[27] («идти», «приходить», «уходить», «входить», «выходить», «падать», «рождаться», «умирать»; сюда также входят глаголы, которые в армянском, как правило, имеют форму среднего залога, и

трансформации (изменение модальности, порядка слов и т. д.), но артикль при этом не появляется. Главной информацией высказывания является само отношение между субьектом и предикатом, и, при этом, пауза между S и P вполне допустима, а субъект может быть членимой темой.

[27] См. [Ruwet 1988].

означают «вариться», «ломаться», а также глаголы существования, появления и фазовые глаголы со значением «разразиться», «возникать», «быть», «казаться» и т. д.).

Эти семантические свойства в основном совпадают с теми, которые [Падучева 1997: 104] считает характерными для генитивной конструкции в отрицательных предложениях русского языка: «глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент»[28].

Однако эти конструкции допускают также глаголы с так называемой инергативной семантикой типа: *работать, учиться* и т. д. Из этого следует, что определяющим признаком этих конструкций является не глагольная семантика[29].

3.3.2. Семантические свойства субъекта

Лексическая семантика имен, в роли неоформленных субъектов, по-видимому, тоже не является надежным тестом. В речи появляются имена с самой разной семантикой.

«Метеорологические высказывания», которые допускают ограниченный список имен, несовместимы с агентивными субъектами[30]. При этом, субъект в большинстве случаев лишен интенциональности или контроля. Но, по нашим наблюдениям, в этих конструкциях не исключаются названия людей, например, *haĵaxort* ‘покупатель’ в (10) или *hivant* ‘больной’ в (35).

Таким образом, точно так же, как «входить» и «выходить» могут рассматриваться как неаккузативные и неэргативные глаголы [Ruwet 1988: 385], одушевленные имена в определенных контекстах и в зависимости от ситуации говорящего могут выступать в роли неагентивных: для продавщицы в магазине присутствие покупателя связано, прежде всего, с рабочей ситуацией, как и появление пациента для врача.

Таким образом, есть все основания полагать, что, хотя высказывания с неоформленным субъектом в армянском языке прямо связаны с явлением, обозначаемым как «неаккузативность», лексико-семантические свойства имени или глагола не могут считаться удовлетворительными критериями для описания этих конструкций.

---

[28] Заметим, что в отличие от большинства приверженцев теории неаккузативности, Падучева придает больше значения самой конструкции, чем семантическому классу глагола, что видно из формулировки на стр. 115: «проблема лексических границ генитивной конструкции – это, в значительной мере, проблема выявления класса глаголов, лексическое значение которых включает (или хотя бы не исключает) (разрядка наша - АД) утверждение существования субъекта или присутствие в ситуации Наблюдателя».

[29] В этом плане перспективной представляется модель Ван Валина [Van Valin 1990], которая опирается на определение так называемых тематических отношений аргументов в зависимости от логической структуры (LS) предиката, - в том случае, если считать, что LS характеризует не единицы словаря, а саму конструкцию, то есть определяется высказыванием в целом.

[30] В некоторых языках имена, обозначающие естественные феномены, являются «псевдоагентивными» («силы природы») и могут появляться в контекстах, предполагающих агентивность. Но они появляются с артиклем, в отличие от неоформленных имен в армянском языке.

Хорошим тестом в данном случае могут служить ограничения, связанные с детерминацией. Действительно, неоформленный субъект по определению не имеет морфологических маркеров детерминации, но при этом его совместимость с лексической детерминацией далеко не столь однозначна.

Возможности сочетаемости неоформленного субъекта с адъективными детерминативами (в препозиции) ограниченны. В большинстве случаев это связано с неопределенностью, которая маркируется отсутствием артикля. Таким образом, в этом контексте невозможны:

- демонстративы и поссессивы, поскольку они предполагают обязательное наличие определенного артикля;
- генетивные детерминативы, поскольку они предполагают специфический денотат, а следовательно требуют наличия артикля;
- относительные прилагательные по тем же причинам:

(30) **hayragan* *dun* *garruc'vec'av*
отцовский дом строить:PASS:AOR3SG
*Построился отцовский дом.

- качественные субъективные прилагательные:

(31) **sireli* *ašagerd* *g'usani*
любимый ученик учиться:PST3SG
*Учится любимый ученик.

Единственными возможными детерминативами оказываются:

- числительные в некоторых контекстах:

(32) *dasə* *xncor* *ga (*gan)*
десять яблоко иметься:3SG (*3PL)
Есть 10 яблок.

Из невозможности употребления глагола во множественном числе следует, что числительное обозначает не количество конкретных индивидуальных денотатов (Qnt, в терминах Кюльоли), а глобальную квантификацию (Qlt) (см. [Donabedian 1993]).

- определительные и качественные прилагательные (и, соответственно, некоторые генитивные детерминативы) в том случае, если они образуют цельное понятие, то есть, в терминах школы Кюльоли, если они оперируют в плане *Qlt*, а не *Qnt*; например, прилагательное *nor* 'новый' в (19), а также см. следующие примеры, представляющие варианты примеров (20), (11d) и (11e):

(33) *badanegan* *hamerk* *gə gazmagerbvi*
подросток:ADJ концерт организовывать:PAS.PST3SG
Организуется концерт подростков (для подростков)

(34) a.*sastig* *ancrev* *gu ka* b. *hast* *məšuš* *ingav*
сильный дождь приходить:PST3SG густой туман падать:AOR3SG
a. Идет сильный дождь. b. Опустился густой туман.

3.1.3. Семантические свойства предикативной связи

Как было показано, какими бы ни были лексико-семантические свойства субъекта, (допускающего и одушевленные имена) или глагола (как с неаккузативной, так и с неэргативной семантикой), конструкция их «отменяет». Такая семантическая лабильность компонентов побуждает нас обратиться непосредственно к значению их предикативной связи.

Возвращаясь к примеру (6), не допускающему неоформленный субъект, можно противопоставить ему следующий пример:

(35) *pəžiškin* *hivant* *kənac'?*
врач:DAT-DEF больной-Ø идти:AOR3SG
Были ли сегодня у врача больные?

Хотя в данном примере глагол тот же, что и в (6), а имя того же типа, конструкция с неоформленным субъектом здесь оказывается возможной: она придает высказыванию значение предикации существования (что проявляется и в русском переводе, где отсутствует глагол «идти»). Таким образом, суть высказываний (10) и (35) заключается в самом определении характера ситуации (магазин не пустой, у врача есть работа).

Конечно же, это значение становится возможным и благодаря некоторой предсказуемости связи между S и V в (35)[31], в противоположность примеру (6), где связь между S (сосед) и V (идти к врачу) является чисто ситуативной. Итак, мы имеем дело со сложными семантическими механизмами: врач принимает больных ~ больные ходят к врачу, связь между S и P является предсказуемой. Более того, само понятие S означает человека, отвечающего условию P (человек, пришедший к врачу, определяется как больной, вне зависимости от его реального состояния здоровья; посетитель магазина идентифицируется как покупатель, даже если он ничего не покупает). В обоих случаях речь идет не о референциальных устойчивых понятиях, а о понятиях реляционных и, к тому же, конвенциональных (в зависимости от культурных или ситуативных факторов, «больного» могут назвать «пациентом» или даже «клиентом»).

Здесь мы снова имеем дело с понятием «стереотипный предикат по отношению к данному подлежащему» (сопоставимый *mutatis mutandis* с внутренним объектом, где семантика глагола сводится к условию существования объекта). Теперь мы можем уточнить это

[31] В этой конструкции важен и порядок слов: дополнение *pəžiškin* 'к врачу', вместо стандартной позиции перед глаголом, занимает первую позицию. Оно является темой, так же, как и *tunə* 'дома' dans *dun-ə hac' gay ?*, дом-LOC хлеб есть'дома есть хлеб?'

понятие: стереотипным является в нем сам тип связи между S и P. Этот же тип связи характерен и для высказываний существования и в том числе – для предикаций «появления» и «исчезновения», которые, согласно [Ruwet 1988], являются простым видовым вариантом высказываний существования.

Таким образом, эти конструкции, в конечном счете, утверждают идею нерасчлененного предикативного отношения в целом, для того, чтобы охарактеризовать саму ситуацию.

3.2. Коммуникативная структура

Эти высказывания отличаются и другим свойством, которое описывается разными авторами в сходных конструкциях (Л. Бэбби – применительно к бытийным высказываниям в русском языке [Babby 1980], Ж.-М. Маранден – применительно к неаккузативным конструкциям в романских языках [Marandin 2003]): в них субъект не является темой а, будучи неотделимым от глагола, составляет с ним чисто рематическое высказывание. Иными словами, он не является «категорическим» субъектом, и высказывание относится к «тетическим» (см. [Sasse 1987; Kuroda 1973]). Это проявляется и в просодике: фразовое ударение падает на субъект, а не на глагол, как в нейтральных конструкциях.

Таким образом, мы имеем дело не со свободным, а со связанным субъектом, и предикативное отношение в целом (S + V) представляет единый блок. Мы уже убедились в том, что примеры, представленные в 2.1, 2.2, 2.3 и часть примеров 2.4 (пассивные конструкции) очень близки: в ассерции находится отношение между субъектом и предикатом, и блокируется возможность членения высказывания на тему и рему.

Рассмотрим подробнее семантику этих конструкций.

Если обозначить простое высказывание формулой **S *R* P**, где S – субъект, P – предикат, а *R* – отношение между ними, то каждый из этих трех элементов может нести главную информацию высказывания. Это может проявляться через фокализацию (для S и P), интонацию, через способ членения на тему и рему и др. Соответственно, в интересующих нас высказываниях выделяются различные категории:

- **S** является носителем информации в высказываниях существования; **P** является семантически слабым (возможно, семантически пустым) и соответственно отождествляется с ***R***. То же самое можно сказать о «метеорологических» высказываниях, которые следует рассматривать как вариант предыдущих: предикат является стереотипным и утверждает манифестацию явления. Глагол может быть заменен «пустым глаголом» *ga* ‘имеется’ без утраты смысла, если не считать небольшого стилистического изменения; фокализация допускается только в отношении субъекта.

- ***R*** является носителем информации в высказываниях предрасположенности, которые выражают физическую манифестацию **S**: в (14) говорится, что «собака залаяла», имея в виду «здесь собака»; точно так же с глаголами среднего или пассивного залога, которые выражают типичный способ проявления данной сущности: свет *зажигается*, слезы *текут*, дом *строится*, конгресс *собирается*, книга *издается*, письмо *пишется* или *посылается*, слова *произносятся*, песня *поется* и т. п. Тот факт, что носителем основной информации является ***R***, отражается, в частности, в возможности замены фразы «Папа храпит» на «Опять! Началось!», где перифраза основывается на формуле «что касается **P,** то это произошло». Главным центром информации, в зависимости от контекста, может быть само утверждение («есть ***R***») или же видовой компонент глагола (изменение ситуации, граница). В таких структурах подвергаться фокализации тоже может только субъект.

- Для того чтобы информативный центр высказывания опирался на **P**, необходимо, чтобы субъект являлся одновременно темой (топиком) и чтобы было возможно членение S / P, где S – тема, а P – рема (то есть в фокусе находится глагол) Это может иметь место только в категорических высказываниях, которые и исключают употребление неоформленного субъекта в армянском языке.

3.3. Синтаксис

Даже если полностью принимать теорию неаккузативности, следует признать, что в армянском языке ситуация сложнее, чем во французском, где прономинализация с *en*, как и отрицание с *de* или согласование глагола, являются надежными критериями, однозначно свидетельствующими в пользу синтаксической интерпретации таких конструкций:

(36) *Alors arrivèrent trois nouveaux élèves.*
Тогда пришли три новых ученика.

В (36) позиция группы *trois nouveaux élèves* ‘три новых ученика’ после глагола считается слабым критерием (во французском в постпозиции к глаголу могут стоять и полные субъекты), в то время как прономинализация с *en* в *quelques minutes plus tard* ***en*** *arrivèrent deux autres* ‘через несколько минут пришли / пришло еще двое’ представляет собой сильный критерий в пользу объектной интерпретации, так же, как и нетипичное согласование глагола с именной группой в (37):

(37) *Je voudrais que viennent Marie et toi*[32].
Я хотел бы, чтобы пришли Мария и ты.

[32] Примеры Ж.-М.Марандена.

Аналогичным образом, в армянском языке тот факт, что субъекты рассмотренных здесь конструкций выражены неоформленным именем, считается слабым критерием в пользу объектной интерпретации.

Можно ли выделить четкие критерии, которые позволяли бы определять статус этих неоформленных имен в начальной позиции? На самом деле, большинство известных тестов к армянскому языку не применимы, в силу ряда его типологических особенностей. Попытаемся, все же, это сделать:

- Согласование глагола. В армянской традиции принято говорить о согласовании глагола с субъектом. Действительно, маркеры лица и числа субъекта и глагола, как правило, совпадают. Однако согласование остается в армянском слабой[33] категорией. Единственный различительный контекст, который можно было бы использовать в качестве теста, представляют формы множественного числа третьего лица, но свойством неоформленных субъектов является отсутствие множественного числа, что не позволяет провести тест. Для него подходят только высказывания, которые включают именные синтагмы с подчиненным субъектом, рассмотренные в 2.4.2. Они представляют специфическую ситуацию: два имени не характеризуются индивидуальной множественностью, а образуют единый субъект, который не всегда сочетается с глаголом во множественном числе.
- Если обратиться к синтагмам с квантификаторами (числительные, *šat* ‘много’), нетрудно заметить, что тест на согласование также не может быть применен (возможно, потому что добавление к имени маркера множественного числа (38b) автоматически выводит высказывание из интересующего нас класса. Рассмотрим следующие примеры:

(38) a. *šad* *ašagerd–**ø*** *yegav*
много ученик–**ø** приходить:AOR3SG

b. *šad* *ašagerd-ner* *yegan*
много ученик-PL приходить:AOR3PL

Пришло много учеников

c. **šad* *ašagerd–**ø*** *yegan*
много ученик –**ø** приходить:AOR3PL

[33] Как мы пытались показать в начале статьи, армянский в принципе допустимо считать языком, не имеющим согласования в грамматическом смысле этого термина. Действительно, в тех единственных случаях, когда значения разных маркеров в высказывании должны совпадать (лицо в субъекте и в глаголе, лицо в поссессивном артикле и в поссессивном прилагательном), речь никогда не идет о простом формальном соположении и каждый маркер остается автономным: местоименный субъект вполне может опускаться, а лицо выражаться только глагольной флексией; то же происходит с поссессивным прилагательным. Аналогичные процессы прослеживаются в так называемом согласовании по числу: показатель числа не является морфологически зависимым и имеет самостоятельное значение (см. [Donabedian 1993] о значении факультативных показателей множественности после числительных).

- Контроль рефлексивов. Синтаксическая эффективность этого теста неоднозначна: известно, что такого рода тесты применительно к эргативным языкам позволяют во многих случаях выявить семантический (например, экспериенсер), но не синтаксический субъект. Впрочем, построение необходимых для тестирования высказываний наталкивается на определенные трудности: в высказываниях типа (39) управление возвратными глаголами оказывается возможным только в том случае, если субъект является определенным (полный субъект, стандартная конструкция):

(39) *ancrevə* *yegav* *ir* *garkin*
дождь:ARTDEF приходить:AOR3SG REFL.SG очередь:DAT
Настала очередь дождя.

* *ancrev-**ø*** *yegav* *ir* *garkin*
дождь-**ø** приходить:AOR3SG REFL.SG очередь:DAT

В высказываниях же типа (19) оно допустимо, только если глагол согласован с формой множественного числа:

(40) *seγan* *(u)* *at'orr* *dabalec'an* ***irenc'*** *deγen*
стол (и) стул рухнуть:AOR3PL REFL.PL место:ABL
Столы и стулья рухнули.

* *seγan* *(u)* *at'orr* *dabalec'a**v*** ***irenc'/ir*** *deγen*
стол (и) стул *рухнуть:AOR**3SG** REFL.SG/PL место-ABL

- Возможен и тест на валентность, в котором можно попытаться проверить, допускает ли конструкция одновременно неоформленный субъект и объект. Этот случай приводится в (24) и рассматривается в 2.4.1. В нем выражен объект (*lezu*) и одновременно неоформленный субъект (*ašagerd*).

Впрочем, если рассматривать неоформленные субъекты как объекты, то придется признать, что (41a) и (41b) имеют неодинаковую синтаксическую структуру, что трудно допустить:

(41) *a.* *šun–**ø*** *gə hače* *b.* *šun-ə* *gə hače*
собака(?O) лает собака-ARTDEF(S) лает
Здесь собака лает Собака лает.

Некоторые перспективные тесты показывают, что нет оснований утверждать (за исключением пассивных высказываний – см. комментарий к примеру 23), что такие нестандартные субъекты по сути являются глубинными объектами. Более того, тот факт, что рассмотренные здесь синтаксические тесты являются малоэффективными, говорит о том, что такие неоформленные имена в начале предложения занимают синтаксически немаркированную позицию: объектные свойства не выражены, но практически не выражены и субъектные свойства. Как нам представляется, это показывает, что эффективность

синтаксического анализа в прочтении такого рода высказываний крайне низка. Именно этим вызваны в первую очередь замечания Фореста и Куно к неаккузативной гипотезе.

4. Какие параметры анализа возможны для таких конструкций?

4.1. Синтаксический тупик

Приведенные факты не подтверждают гипотезу, согласно которой эти нестандартные субъекты являются глубинными объектами. В целом, они показывают, что синтаксический анализ не позволяет выявить специфику таких нестандартных субъектов, как и высказываний, в которых они появляются. Анализ Ж. Лазара [Lazard 1994], который полагает, что в высказываниях такого типа мы имеем дело с безличными конструкциями (и, соответственно, выделяет в составе такого рода неоформленных субъектов актант H), также является синтаксическим: даже если такие субъекты здесь не приравниваются к объектам, тем не менее, анализ ориентирован на актантность[34].

Заметим, что семантические подходы которые, вслед за Ван Валином, отказываются от синтаксического анализа, опираясь исключительно на лексические свойства предиката, также не проясняют сути интересующего нас явления.

Лингвисты армянской школы, под влиянием русской традиции, придающей важное значение коммуникативной структуре высказываний, избегают «синтаксического тупика»: они не подвергают сомнению субъектность этих единиц в начальной позиции, но при этом определяют такие высказывания как односоставными предложениями (арм. *miakazm naxadasutyun*). Таким образом, они подчеркивают тетический характер этих конструкций, о котором мы не раз говорили выше, и некоторые его интонационные последствия.

При этом заметим, что наибольшее внимание европейские авторы[35] уделяют конструкции в целом, ставя в центр анализа семантико-прагматические свойства таких высказываний. Это свойственно как авторам, которые решительно возражают против теории неаккузативности, (как, например, Р. Форест [Forest 1995], который считает, что «теория дескриптивности позволяет обойтись без гипотезы неаккузативности»), так и приверженцам гипотезы неаккузативности (в частности, Ж.-М. Маранден, который, вслед за Ламбрехтом, видит в этих конструкциях тетические высказывания, выполняющие «условие предварительной предрасположенности» (condition de la disposition présupposée))[36].

---

[34] Отметим, что Ж. Лазар ссылается на очень тонкое исследование [Rivière 1981], посвященное семантическим и коммуникативным свойствам таких высказываний, однако в своих построениях не придает этим фактам принципиального значения.

[35] В их числе и Е.В. Падучева.

[36] Заметим, что Ж.-М. Маранден использует оба подхода, но любопытно, что в своей статье [Marandin 2003] он не пытается как-то согласовать их: автор рассматривает инверсию, оставляя в стороне гипотезу

4.2. Неоформленное имя в армянском

Для того, чтобы лучше понять такие конструкции в армянском, следует вернуться к системе формальных признаков, их отличающих. Неоформленные субъекты характеризуются:

- нулевым маркером неопределенности у имени;
- непосредственно предглагольной позицией;
- невозможностью для имени становиться темой, а для глагола – являться фокализованной ремой.

Таким образом, в армянском такие субъекты не являются стандартными, поскольку их автономность по отношению к глаголу является ограниченной, что скорее типично для объектов (для которых в языках мира наблюдаются различные степени их инкорпорированности), но значительно менее типично для субъектов, поскольку это вступает в противоречие с некоторыми сущностными свойствами субъекта: он по определению обладает существенно большей автономией, чем другие аргументы, и, в тех случаях, когда на детерминацию накладываются определенные ограничения, можно ожидать, что детерминация будет сильнее выражена в субъекте, чем в объекте, а не наоборот. При этом, именно неоформленный объект, в тех языках, где он существует, наиболее охотно вступает в инкорпорацию, которая представляет для объекта минимальную степень автономии, между тем, как наличие полноценных инкорпорированных субъектов является проблематичным[37].

Применительно к неоформленному субъекту, мы старались показать [Danon-Boileau et al. 1993], что здесь неправомерно говорить об инкорпорации, поскольку предикативная группа OV не образует новую лексическую единицу и ее значение выводится из суммы значений составляющих ее членов (является составным). Таким образом, сочетание остается свободным, дефицит автономности объекта обусловлен не лексическими свойствами имени, а ступенью референциальности объектной синтагмы.

Выделенная Кюльоли оппозиция между notion (собственно понятие) и occurrence (референциальное понятие) оказывается исключительно полезной для осмысления интересующего нас случая: выступая как лексически неоформленный (-ø), объект является чисто «понятийным» (notionnel), что связано с планом *Qlt* (качественная сущность), а не «референциальным» (occurrenciel) (связано с планом *Qnt*). Таким образом, у него отсутствует подлинная референциальная автономность, его функция состоит в том, чтобы

неаккузативности, в то время, как все высказывания, которые он связывает с «condition de disposition préconstruite», описаны в рамках теоретического подхода, который он провозглашает.

[37] Т. Гивон [Givón 1995: 190] утверждает, что инкорпорация субъекта, хотя и менее частая, чем инкорпорация объекта, все же встречается в некоторых языках. При этом он опирается на примеры,

привнести дополнительный смысловой элемент в семантику глагола, с которым он образует семантическое единство. Образуемый таким образом предикат выражает общее понятие о деятельности, но без настоящей инкорпорации (42a). Этим он отличается от деривационных глаголов, которые могут обозначать одну и ту же мысль, но путем подлинной инкорпорации (42b):

(42) a.*namag krel* b. *namag-a-krutiwn*
письмо-ø писать письмо-INFX-писание
a. (на)писать письмо b. писания письма, переписка.

Однако, если свойства *namag krel* и не позволяют считать *namag* инкорпорированным объектом[38], не вызывает все же сомнения, что объект не обладает здесь всеми именными свойствами полного актанта, что заставляет его отнести к референциальному понятию (*Qnt/Qlt*), а не просто к *Qlt*. Можно сблизить его с *namagə gə kre* ‘он пишет письмо’, где именной член включает определенный артикль и обозначает конкретный объект (здесь – результат процесса писания), в то время как *namag krel* обозначает непредельную, то есть не телическую деятельность: объект специфицирует процесс, определяя характер писания, но не выражая результата этой деятельности (конкретное письмо). Эти соображения и привели нас к утверждению [Danon-Boileau et al. 1995] о том, что объект в армянском языке может проявляться как полный актант, которому присуща референциальная автономность (что обязательно маркируется номинантами[39], и следовательно несовместимо с неоформленным именем) или может выступать в роли глагольного детерминатива, который самим своим именным значением дополняет значение глагола, не становясь при этом актантом в полном смысле этого термина. Так, в (4), с нулевым детерминативом у объекта, предикат *kirk‘ gartal* букв. «книга читать» семантически занимает промежуточное положение между русским ‘читать книги’, с одной стороны, и «читать» (в непереходном значении), с другой.

Эта функция глагольного детерминатива во многом совпадает с функцией прилагательного, прототипической формой которого и является неоформленная основа. Прилагательные также являются неизменяемыми и находятся в препозиции к определяемому имени.

В каком плане эти свойства неоформленного объекта могут быть приложимы к субъекту? В соответствии с критериями подлежащности, систематизированными Кинэном [Keenan 1976], субъект, будучи темой, должен иметь свойство автономности, что в случае

заимствованные у Марианны Митун. Однако многие лингвисты полагают, что эти редкие примеры порождены неадекватным инструментом описания, а не реальной инкорпорацией субъекта, свойственной языку.

38 Такими свойствами являются, в частности, возможность фокализации объекта или возможность вставки таких модификаторов как *šad* ‘много’ между объектом и глаголом: *namag šad krec‘i.*

армянского языка объясняет обязательное присутствие эксплицитного маркера референции к конкретному предмету. Следовательно, субъект не может быть чисто понятийным и неавтономным (нереференциальным). Это, в частности, позволяет понять правило, в соответствии с которым он не может выступать в качестве неоформленной лексемы в примере (6).

Высказывания, которые представляют исключения из этого правила, характеризуются именно такими конструкциями, в которых автономность субъекта ограниченна в силу семантических и коммуникативных свойств, описанных выше:

- меньшая степень агентивности субъекта (описательные и экзистенциальные высказывания);
- семантически предсказуемые отношения SP (предикат предрасположенности);
- отсутствие членения (тетическое высказывание).

Эти семантические и коммуникативные признаки, имеющие в армянском непосредственное отношение к интересующей нас форме в рассмотренных конструкциях, позволяют выявить атипичные свойства такого рода нестандартных субъектов. Подчеркнем, что представленный анализ позволяет избежать сложных синтаксических операций, которые, будучи, как правило, сложными и громоздкими, обычно имеют весьма ограниченную объяснительную силу.

4.3. Армянский неоформленный субъект и проблема неаккузативности

Мы рассмотрели и проанализировали условия, в которых в западноармянском языке субъект может появляться с нулевой детерминацией, что приводит к формированию особой нестандартной конструкции. В ходе анализа мы неоднократно ссылались на теории, опирающиеся на данные других языков и охарактеризованные разными формальными признаками (в частности, выбор вспомогательного глагола, порядок слов, выбор местоимения, падежа и т. д.). Какое место занимают армянские данные в этой проблематике? Их анализ позволяет утверждать, что неоформленный субъект в армянском языке входит в ряд явлений, относящихся к расщепленной непереходности (split intransitivity) или к неаккузативности.

Из рассмотренных данных следует, что это явление лучше объясняется прагматикой (тетические конструкции) и свойствами неоформленного имени как такового, чем

[39] Так называет C. Hagège [Hagege 1982] именные грамматические морфемы, благодаря которым формируются собственно именные формы. В армянском они находятся, как правило, в постпозиции к имени.

синтаксисом (глубинный объект) или же лексическими свойствами предиката (неаккузативные глаголы), на которые ориентируется теория неаккузативности.

Можно было бы подумать, что такая позиция обусловлена лишь спецификой армянских данных, особенность которых состоит в том, что маркировка неаккузативности связана здесь с детерминацией. А детерминация представляет собой слабо грамматикализованную категорию, ориентированную на прагматику.

В этой связи подчеркнем, что, как нам представляется, было бы ошибкой полагать, что рассмотренные армянские факты определяются свойствами артикля как такового. Ограничимся здесь двумя аргументами:

- к близкой интерпретации приходят разные авторы, говоря о языках, в которых нерасщепленная непереходность маркируется более грамматикализованными способами (Marandin 2003, Forest 1995, Падучева 1997, и др.)

- как мы показали в 4.2, маркировка в этих конструкциях определяется не категорией артикля (и, в частности, не отсутствием артикля), а тем, что имя является неоформленным (чистая основа без каких бы то ни было грамматических примет), что играет решающую роль в формировании его семантики и в его возможности появляться в качестве автономного актанта и расчлененной темы.

Таким образом, как нам представляется, имеются все основания полагать, что:

- неоформленный субъект является особым типом маркировки, который с полным основанием может быть введен в проблематику неаккузативности или расщепленной непереходности.

- в теоретической интерпретации интересующих нас конструкций, армянские факты дают дополнительные аргументы как против чисто синтаксических подходов, так и против походов, опирающихся исключительно на лексические свойства компонентов, и привлекают наше внимание к совокупности свойств конструкции в целом, и в частности к ее прагматическим признакам.

Сокращения в глоссировании примеров

1, 2, 3 – лицо; AB – аблатив; AOR –аорист; CD – прямой падеж (именительный-винительный); DAT – дательный падеж; DEF – определенный артикль; FUT – будущее время; IND – неопределенный артикль; INFX – инфикс; INS – творительный падеж; PASS – пассив; PL – множественное число; PST – настоящее время; SG – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aranovich 2007 – *R. Aranovich (ed.).* Split auxiliary systems: a cross-linguistic perspective. Amsterdam, 2007.

Babby 1980 – *L.H. Babby.* Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, MI, 1980.

Culioli 1990 – *A. Culioli*. Pour une linguistique de l'énonciation. T. 1. Opérations et représentations. Paris, 1990.

Danon-Boileau et al. 1993 – *L. Danon-Boileau, A. Donabédian.* Construction référentielle et actance: l'exemple de l'arménien occidental // Bulletin de la société de linguistique de Paris. LXXXVIII. Fasc. 1. Paris 1993.

Danon-Boileau et al. 1995 - *L. Danon-Boileau, A. Donabédian*. Quand une préposition devient indice d'actance, le cas de la préposition z- dite nota accusativi en arménien classique // F. Madray-Lesigne, J. Richard-Zapella (eds.). Lucien Tesnière aujourd'hui. Louvain, 1995.

Donabedian 1993 – *A. Donabédian*. Le pluriel en arménien moderne // Faits de Langues, 2/1993. Paris, 1993.

Forest 1995 – *R. Forest*. Existence et descriptivité: contre l'hypothèse inaccusative // LINX. Paris, 1995.

Franckel, Paillard, Vogue 1989 – J.-J. Franckel, D. Paillard, S. de Voguë. Extension de la distinction: discret, dense compact au domaine verbal // J. David, G. Kleiber (eds.), Termes massifs et termes comptables, Recherches linguistiques XIII, Metz, 1989.

Givón 1995 – *T. Givón*. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Hagège 1982 – *C. Hagège* La structure des langues. Paris: PUF, 1982.

Keenan 1976 – *E.L. Keenan*. Toward a universal definition of 'subject' // Ch. Li (ed.). Subject and topic. New York; San Francisco; London, 1976.

Kuroda 1973 – *S.Y. Kuroda*. Le jugement catégorique et le jugement thétique: exemples tirés de la syntaxe japonaise // Langages. 30. Paris, 1973.

Lazard 1994 – *G. Lazard*. L'actant H: sujet ou objet? // Bulletin de la société de linguistique de Paris. LXXXIX. Paris, 1994.

Marandin 1999 – *J.-M. Marandin*. Unaccusative inversion in French // Yves d'Hulst et al. (eds.). Romance languages and linguistic theory. Amsterdam, 1999.

Marandin 2003 – *J.-M. Marandin*. Inversion du sujet et structure de l'information dans les langues romanes // Danièle Godard. Langues romanes: problèmes de la phrase simple. Paris, 2003. (см. также неопубликованную версию http://www.llf.cnrs.fr/fr/Marandin/LR-Inversion-Long.pdf)

Perlmutter 1978 – *D.M. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // J.J. Jaeger, A.C. Woodbury, F. Ackerman et al. (eds.). Proceedings of the fourth annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1978.

Rivière 1981 – *N. Rivière*. La construction impersonnelle en français contemporain. Saint Sulpice de Favières, 1981.

Ruwet 1988 – *N. Ruwet*. Les verbes météorologiques et l'hypothèse inaccusative // C. Blanche-Benveniste, A. Chervel, M. Gross (eds.). Grammaire et histoire de la grammaire. Hommage à la mémoire de Jean Stéfanini. Aix-en-Provence, 1988.

Sorace 2000 – *A. Sorace*. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // Language. 76. 2000.

Sasse 1987 – *H.-J. Sasse*. The thetic/categorical distinction revisited // Linguistics. 25. 1987.

Van Valin 1990 – *R.D. Van Valin*. Semantic parameters of split intransitivity // Language. 66. 1990.

Падучева 1997 – Е.В. Падучева. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. 2.